

В.А. ИГНАТЕНКО

(Челябинский государственный педагогический университет,
Челябинск, Россия)

УДК 821.161.1-32(Булгаков М.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444

ХРОНОТОП ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

Аннотация: Статья посвящена детальному рассмотрению хронотопа повести М. Булгакова «Собачье сердце». Выявлены хронотопические маркеры, которые позволяют осмыслить ключевые пространственно-временные оппозиции, усложняющие содержательный пласт произведения. В конечном итоге это дает возможность уточнить позицию М. Булгакова, неизменно отстаивающего традиционные культурные и нравственные ценности.

Ключевые слова: хронотоп, пространственно-временные оппозиции, антитеза, сюжет, авторская позиция, сатира.

Хронотопический анализ – одно из актуальных направлений современного литературоведения. Взгляд на известную булгаковскую повесть «Собачье сердце» сквозь призму хронотопа позволяет углубить содержательный пласт произведения.

В повести хронотоп проявлен в двух реальных планах: улицы Москвы и квартира профессора Преображенского в конкретном временном отрезке – зима 1924–1925 годов. В тексте противопоставляется не только уличный хаос благоустроенному и упорядоченному дому профессора, но также квартира Преображенского до и после очеловечивания Шарика и до и после революции 1917 года.

По сюжету повести мы сразу же попадаем на холодную московскую улицу, где умирает от ожога пес Шарик. Холод, вьюга, мороз, зимний пронизывающий ветер усиливают и без того тяжелые страдания бездомного пса. Все его мысли обращены к счастливому и «сытному» прошлому. Возвращаясь в жестокую действительность, Шарик утверждает, что черствость и злость человека господствует в современной Москве, каждый одинок и печется лишь о своем благополучии. Зимняя вьюга властвует в городе: «У-у-у-у-у-у-гу-гугу-уу! О, гляньте, гляньте на меня, я погибаю! Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с нею. Пропал я, пропал! Я теперь вою, вою,

вою, да разве воем поможешь?» [Булгаков] (здесь и далее курсив наш – В.И.). Пронзительный и болезненный вой собаки сливается с воем вьюги. Стихия является своеобразным «соучастником» действия: она словно сочувствует псу, отражает его внутреннее состояние одиночества, бесприютности, боли, да и сама по себе вьюга – явление хаотичное, природное, как и вся жизнь дворняги; но в то же время вьюга и противопоставлена Шарик: борются жизнь и смерть, боль и счастье, уют и холод, одиночество; вьюга словно «отпевает» пса, жаждет ускорения его смерти.

Время в первых сюжетных фрагментах обозначено четко – это зимний вечер, при этом соотносится жизнь пса в реальном времени и бытийное время мироздания, такие фазы, как рождение, развитие, зрелость, угасание, смерть. Жизнь Шарика в этом дне через его мысли расписана поэтапно: сначала день для пса зародился, затем до его середины Шарик действовал, искал пропитание, после этого наступил полдень, когда «колпак» «угостил» его кипятком, далее наступило вечернее угасание жизни, а ночью предполагалась закономерная смерть. Цикл завершен. Таким образом, время начала повести относит нас к бытийному пласту понимания текста: для Шарика наступил закат жизни, продиктованный самой природой, самим обществом.

Появление профессора делает пространственную оппозицию явной – улица будто становится более милостивой к Шарик: «Господин *уверенно* пересек в столбе метели улицу и двинулся в подворотню». И вдруг эта темная и предвещающая смерть улица становится светлой и приветливой: «По всей Пречистенке сияли фонари». Намечается смещение бесприютной и страшной действительности в сторону жизнеутверждающей, надежной и благостной. Попадая в квартиру профессора в Калабуховском доме, Шарик удивляется красоте жилища и обилию света вокруг. Шарик видит «роскошную квартиру, помещавшуюся в бельэтаже», и все в ней прекрасно: и «висящая сбоку широкая застекленная волнистым и розовым стеклом дверь» как символ изысканной, доходной и надежной жизни; и «неожиданный и радостный свет», который символизирует близость людей, ожидание и радость встречи, уют, заботу и жизнь в ее широком понимании; ощущает «божественное тепло» как предчувствие счастья, уверенности в «завтрашнем дне», как обретение душевной гармонии и равновесия. Все это резко контрастирует с картиной уличного существования пса. Шарик в атмосфере квартиры обретает счастье, покой, а главное – право на жизнь. Сейчас Шарик счастлив и, может быть, впервые в жизни,

увидел сон, к тому же приятный: «Пес дремал, тошнота прошла, пес наслаждался утихим боком и теплом, даже всхрапнул и успел увидеть кусочек приятного сна: будто он вырвал у совы целый пук перьев из хвоста...».

Первыми посягательствами на монолитность и абсолютность прежних традиций, царящих в квартире, является приход домкома к профессору с целью отнять у последнего часть его мира – несколько комнат. Швондер и его «коллеги» совершенно не вписываются в жизнь Преображенского, неся свою идеологию и культуру, противную интеллигенции. Автор изначально подмечает, что пришедшие большевики лишние в этой квартире: «Вошедшие топтались на ковре». Позже Преображенский попеняет им, что они портят ему *персидские ковры*. Снова богатство прежней культуры, ее основательность в этом локальном месте победили. Новый мир, мир грязной улицы, любыми способами пытается втиснуться в рамки прежнего уклада, прежних ценностей и уничтожить их изнутри. Поэтому и борьба за пространство квартиры ведется на протяжении всей повести с переменным успехом сторон. Когда квартира профессора Преображенского была его крепостью, уютной, надежной и непоколебимой, т.е. до операции Шарика, Швондер с единомышленниками не имели сил и возможности захватить власть над ученым, его территорией. Таким образом, квартира профессора до операции является проекцией традиционной жизни русской интеллигенции, сумевшей сохранить свои ценностные и моральные устои.

О противопоставленности пространства уличного и домашнего свидетельствуют и другие детали быта в профессорской квартире, указывающие на то, что на Пречистенской улице сталкиваются два совершенно противоположных мира – мир угнетенности и смерти и мир уюта и интеллигентности. Особо нужно отметить обеденную трапезу Преображенского и Борменталья до совершения операции: «На разрисованных райскими цветами тарелках с черною широкой каймой лежала тонкими ломтиками нарезанная семга, маринованные угри. На тяжелой доске кусок сыру в слезах, и в серебряной кадучке, обложенной снегом, – икра. Меж тарелками несколько тоненьких рюмочек и три хрустальных графинчика с разноцветными водками... Зина внесла серебряное крытое блюдо, в котором что-то ворчал. Запах от блюда шел такой, что рот пса немедленно заполнился жидкой слюной». Вся обстановка вокруг, сервировка стола и сами блюда свидетельствуют о прежних и устоявшихся правилах этого дома. Его

обитатели обозначили для себя особый уровень жизни, отступать от которого они не намерены.

Примечательно и расположение пса в пространственном измерении двух контрастирующих картин: на улице пес жалко зализывает раны в грязном переулке, мечтая лежать на парадном ходе лестницы, а в квартире профессора псу отводится место в столовой, да еще и возле обеденного стола. Пес проанализировал качественные различия двух систем «обитания»: им понята ужас прежней холодной и голодной жизни в сравнении со счастливой и беззаботной. В один момент Шарик даже пугается, что квартира профессора может оказаться лишь сном: «"...Вот проснусь... и ничего нет... Опять начнется подворотня, безумная стужа, оледеневший асфальт, голод, злые люди... Боже, как тяжело это будет!.." Но ничего этого не случилось». Таким образом, «уличный» этап жизни пса пройден, и на смену ему пришел другой: счастливое обитание пса Шарика в квартире профессора Преображенского.

Интересно в тексте и прямое противопоставление уличного хаоса и квартирной гармонии. Это момент, когда Шарик идет на прогулку вместе с Зиной: «На следующий день на пса надели широкий блещущий ошейник... Зина повела его гулять на цепи... Бешеная зависть читалась в глазах у всех встречных псов... Когда пересекали трамвайные рельсы, милиционер поглядел на ошейник с удовольствием и уважением, а когда вернулись, произошло самое невиданное в жизни: Федор-швейцар собственноручно отпер парадную дверь и впустил Шарика». Улица в этом фрагменте двойственно отражена по отношению к Шарика: с одной стороны, пес иначе принят улицей и она иначе изображена в единстве времени и пространства (теперь мы видим *в свете дня* Обухов переулков и Пречистенку, которые наполнены приветливыми людьми и животными; здесь, естественно, царит разруха и голод для бездомных и обделенных, но для Шарика ужас улицы на этом этапе окончен), с другой стороны, пес вышел за рамки этой жизни и отдален от нее, поэтому ясна реакция на него дворняги у Мертвого переулочка.

Временной пласт также отражен в этой части текста. В пространстве квартиры время течет незаметно и спокойно. Теперь Шарик живет по распорядку профессора, не задумываясь над важными жизнеобеспечивающими потребностями. Квартира словно защищает своих обитателей от бед, страхов и волнений: «Вечерами пречистенская звезда скрывалась за тяжкими шторами» (вспомним, что точно так же от суровой действительности была отгорожена

кремовыми шторами квартира Турбиных в романе «Белая гвардия»). Вечерний час в квартире противопоставлен вьюжному вечеру в начале повести: «Трубы в этот час нагревались до высшей точки. Тепло от них поднималось к потолку, оттуда расходилось по всей комнате...».

Но противопоставление хронотопов на этом уровне (улица – квартира профессора до операции) плавно перетекает в другую оппозицию, которая строится уже только на пространстве жилища Преображенского, и это пространство качественно меняется во временном аспекте. Определяющей точкой отсчета перемен является операция Шарика. Если пространство квартиры до операции поражает своим убранством, уютом и традиционным укладом, то это же пространство после повержено в хаос и разруху, сумятицу и борьбу.

Изменения начинаются во всей квартире в день операции. Уже на уровне предчувствий пса начинается качественное изменение пространства, движущееся в сторону хаоса: «Пес опять почувствовал волнение. "Не люблю кутерьмы в квартире", – раздумывал он... И только он это подумал, как кутерьма приняла еще более неприятный характер... И Шарика заманили и заперли в ванной». Изменение пространственных параметров, ограничение в пространстве заставляет иначе взглянуть на квартиру Преображенского. Теперь вместо налаженного и приятного времяпрепровождения в доме появляется своего рода насилие, ограничение, обременение, а главное – обреченность, которая довлеет над Шариком как дамоклов меч. Оказалось, что видимое благополучие и достаток скрывали в себе угрозы и страх смерти.

Хаотическое начало, захватывающее квартиру, отсылает нас к началу повести, где пес погибал на снежной морозной улице, но только с тем отличием, что в квартире Преображенского Шарик обречен не судьбой, а человеком. Вся обстановка в доме словно чужда псу. На уровне мыслей пса мы ощущаем, как яростно восстала его сущность против насилия, несправедливости. Но и это состояние пса меняется: «Но вдруг его яростную мысль перебило. Внезапно и ясно почему-то вспомнился кусок самой ранней юности, солнечный необъятный двор у Преображенской заставы, осколки солнца в бутылках, битый кирпич, вольные псы-побродяги. Потом полутьма ванной стала страшной, он завыл, бросился на дверь, стал царапаться». И вновь начинают противоречиво сталкиваться два пространства, но уже не улица и квартира, а воля и зависимость. При этом положении дел для Шарика становится мечтой уже не тепло, уют, забота, а воля, ощущение абсолютной свободы, которая тепла, солнечна, добра. В

итоге пес разочаровывается в обоих пространствах: первое, уличное, – неправдоподобный мираж, а второе, профессорская квартира, – хорошо обустроенная мышеловка.

Интересно и то, что с момента операции автор намеренно через дневник доктора Борменталья дает четкие временные характеристики происходящим событиям. День не задается уже с самого утра 23 декабря. А затем Борменталь фиксирует изменчивые результаты операции. Значимо и то, что изучение последствий и их точное фиксирование в тетради происходит с 24 декабря по 6 января, в это же время происходит трансформация Шарика в Шарикова. 24 декабря – рождественский сочельник у католиков, отмечающих Рождество по григорианскому календарю, и у православных, отмечающих Рождество по новоюлианскому календарю. Т.е. символично выявляется то, что зарождается новая жизнь, начинается значимое перерождение, соотнесенное автором с рождением Христа. Также дату 24 декабря можно соотнести и с мировоззренческим и религиозным перерождением, которое случилось 26 января 1918 года, когда Ленин заменил Юлианский календарь Григорианским. Время прежнее, дореволюционное даже в календаре было вытеснено новым. И цикл трансформации логично завершается 6 января, в православный Сочельник. А 7 января преображение пса абсолютно закончено. Все это время пес-человек находится в руках судьбы, на этом этапе никто не может повлиять на нее.

После пассивного физического перевоплощения наступает качественное, духовное. И в связи с этим пространственно-временной уровень повести также меняется. Из дневника Борменталья: «Смотровая превращена в приемную... В шкафах ни одного стекла, потому что прыгал. Еле отучили».

Автор намеренно вставляет в повесть сцены-близнецы. Такими являются сцены обеда в квартире профессора. Но если в начале повести это была роскошная, благоустроенная столовая, в которой культурно обедали, в которой подавались изысканные блюда, то сейчас даже эту «святую» квартиры настиг хаос: «Свет из буфета падал перебитый пополам, – зеркальные стекла были заклеены косым крестом от одной фасетки до другой». Шариков сумел подорвать целостность, устойчивость и самобытность квартиры. Лишь «всемирный потоп» – протечка воды в ванной комнате – может на время смыть царящие безнравственность и разложение.

Но социализация Шарикова не останавливалась ни на минуту. С одной стороны, его культурно воспитывали Преображенский и

Борменталь, с другой стороны, помогли стать членом советского общества Швондер и его «коллеги». И вновь интересно, что через 6 дней после квартирного «наводнения» Шариков «родился» для общества – получил документы. Словно после всемирного потопа вновь стала развиваться жизнь, но жизнь другого качества.

Особо нужно уделить внимание ночной беседе профессора с Борменталем, в которой раскрывается истина нравственного определения Шарикова. Именно ночью выходят наружу все природные инстинкты, страхи, волнения. И ученые начинают прямой диалог с судьбой, со смертью. Они понимают, что в мироздании все определено, как и в нравственности, как и в современном обществе. Профессор ощущает свою обреченность, покорно принимает ее, как и бездомный пес вьюжной декабрьской ночью. Эта ночная идиллия, наступившая в три часа ночи после пьяного дебоша Шарикова в час ночи, словно затишье перед наступающей бурей. Автор далее в тексте намеренно дает конкретные временные отметки, которые в быстром темпе меняются, создавая ощущение быстрого приближения неизбежного события.

Решение нашлось в финале повести, когда профессор осмелился на очередную операцию, которая вернет Шарикова в исходное состояние. Звериное, инстинктивное начало всегда на эмоциональном уровне подсказывает псу-человеку надвигающиеся перемены: «И вот на следующий день, когда Полиграф Полиграфович, которого утром кольнуло *скверное предчувствие*, мрачный уехал на грузовике к месту службы... Борменталь запер черный ход, забрал ключ, запер парадный, запер дверь из коридора в переднюю, и шаги его пропали у смотровой. Тишина покрыла квартиру, заползла во все углы. Полезли сумерки, скверные, настороженные, одним словом, мрак». Все пространство в квартире вновь словно сжимается, наполняется тайной и странными предчувствиями. Происходит вторая операция.

Последним элементом, завершающим череду перемен в квартире профессора, является очередное появление Швондера. Снова ночь предстает тем временем, когда приходит истина. А прошедшие десять дней являются сакральным числом, магическим, в которое укладываются все обратные метаморфозы пса.

Но следует проследить еще один уровень хронотопа, на котором проявлена оппозиция «дом в Обуховском переулке до и после революции». Противопоставление двух планов главным образом проявляется в противопоставлении «интеллигенция и пролетариат». В квартире профессора Швондер со своими спутниками чувствовали

себя лишними. В этой роскошной обстановке их вид казался нелепым и убогим. Посягательства Швондера на площадь в квартире Преображенского претят ученому: для него квартира – неприкосновенное место, которое защищает его и подвластно ему. На этом уровне сталкиваются культурные и мировоззренческие понятия, такие как «сохранить» и «разделить».

Что касается нравов и образа жизни до и после революции, то и они качественно преобразовались. Преображенский за обедом говорит Борменталю: «Не угодно ли – калошная стойка. С 1903 года я живу в этом доме. И вот, в течение времени до марта 1917 года не было ни одного случая – подчеркиваю красным карандашом "ни одного"! – чтобы из нашего парадного внизу при общей незапертой двери пропала бы хоть одна пара калош. Заметьте, здесь двенадцать квартир, у меня прием. В марте семнадцатого года в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих, три палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила свое существование». Героя обескураживает и гневит то, что люди, стремящиеся изменить жизнь в лучшую сторону, нравственно деградировали, растоптали истинно чистую и правильную жизнь. Преображенской считает, что революция, как идея, имеет право на жизнь, но полностью отрицает, что это явление должно за собой нести падение человека, культуры и нравственности. Устоявшаяся жизнь профессора не может терпеть изменений: «В спальне принимать пищу, заговорил он придушенным голосом, – в смотровой – читать, в приемной – одеваться, оперировать – в комнате прислуги, а в столовой – осматривать?.. Я буду обедать в столовой, а оперировать в операционной! Передайте это общему собранию...».

Поэтому и все свои прежние, дореволюционные, пристрастия и занятия профессор неизменно сохраняет, абсолютно не принимая участия в новом политическом устройстве: «Успевает всюду тот, кто никуда не торопится, – назидательно объяснил хозяин. – Конечно, если бы я начал прыгать по заседаниям и распевать целый день, как соловей, вместо того, чтобы заниматься прямым своим делом, я бы никуда не поспел... Я сторонник разделения труда». И именно это позволяет ему сохранить себя как личность.

Таким образом, внимание к хронологической организации повести «Собачье сердце» позволяет уточнить авторскую позицию. В тексте выделяется три уровня противопоставления пространства и времени: улица, квартира профессора до и после операции, дом до и после революции. Мир интеллигенции, уютный, надежный,

стабильный, предпочитаем автором, поэтому и для уличного пса этот комфортный образ жизни становится наилучшим. Естественно, временные и пространственные уровни сталкиваются друг с другом, изменяются, одно пытается подавить другое, но все же преобладание традиционного начала, дореволюционного устройства жизни одерживает верх.

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков М. Собачье сердце [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html> (дата обращения 27.09.2015).

Статья рекомендована к.ф.н., доц. Т.В. Садовниковой